

Бывший старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, заслуженный юрист СССР, Государственный советник юстиции III класса Юрий ЗВЕРЕВ беседует с писателем Ю. Идашкиным

Ю. И. Нелегко осознать свое место и роль в событиях уходящей эпохи, да и степень своей ответственности. Моральной, разумеется, о политической или уголовной — разговор особый... Но всякий ли на это способен? По-моему, многих такая перспектива ожесточает. Все чаще слышится: «Я честно трудился, выполнял, что требовали, потому что верил, а теперь, оказывается, я чуть ли не преступник?! Хватит каяться, работать надо!» Хотя лично я убежден: не покаешься — не спасешься. Но, разумеется, если покаяние искренне, основано на трудных, честных раздумьях.

Ю. З. Эта труднейшая политическая и нравственно-психологическая проблема для нас, работников правоохранительных органов, имеет особую специфику. В Конституции было записано, что судьи независимы и подчиняются только закону. Но в той же Конституции была и шестая статья, которая законодательно ставила партию над всем и всеми. И в соответствии с буквой этой статьи бюро парткомов рассматривали и утверждали кандидатуры судей различных уровней, которых потом «избирали» население или Советы. И в любой момент в совещательной комнате суда мог раздаться звонок из райкома с указанием по конкретному делу, а прокурора могли вызвать в соответствующий отдел горкома или обкома с отчетом или за «установками». Сегодня некоторые статьи Уголовного кодекса, например знаменитая семидесятая, отменены. Но ведь тогда они действовали. И, скажем, приговор, вынесенный Синявскому и Даниэлю, был формально законным...

Ю. И. Да, «незаконным» было общество, в котором действовали такие законы...

И для наиболее «сложных», то есть неблагоприятных, дел требовались самые квалифицированные кадры. Так и вы получили задание возбудить дело по обвинению Солженицына?

Ю. З. Не знаю, было ли это проявлением признания моего профессионального авторитета, но факт, что такое поручение Генеральный прокурор дал мне. Меня вызвал Р. А. Руденко. Передал вышедшую за рубежом книгу «Архипелаг ГУЛАГ» и подборку отзывов прессы, поручив

КАК ИЗГОНЯЛИ СОЛЖЕНИЦЫНА

изучить на предмет решения вопроса о возбуждении уголовного дела...

Ю. И. Значит, он не дал указания возбудить дело?

Ю. З. Он поручил рассмотреть материалы и доложить ему.

Ю. И. И вы...

Ю. З. Я изучил и доложил, что в книге содержится огромный материал, причем наряду с суждениями и выводами автора там огромный массив фактов, которые либо соответствуют действительности, либо ложны...

Ю. И. У вас были сомнения в их истинности?

Ю. З. Я и сейчас думаю, что не все отдельные факты абсолютно точны. Это теперь мы все так много знаем о том периоде. А тогда — только слухи... Было очень страшно верить... Но я был обязан выяснить, соответствует ли изложенный материал действительности или это вымысел, клевета. Я и запросил компетентные инстанции, могут ли они опровергнуть приведенные автором факты. Инстанции ответили, что опровергнуть

массив фактов возможности нет. И тогда я получил указание возбудить уголовное дело и допросить Солженицына. Допросить не удалось: несмотря на неоднократные вызовы, он в прокуратуру не являлся. Руденко предписал доставить его приводом. Я вынес постановление о приводе Солженицына и отправился за ним лично, благо он жил на улице Горького, неподалеку от Прокуратуры СССР.

Ю. И. Вы что же, собирались его лично вести по улице Горького на Пушкинскую?

Ю. З. Надеюсь, вы понимаете, что дело Солженицына только формально вел я. Все мои действия через Генерального прокурора направлялись политическим руководством. И доставить Солженицына мне предписали не в здание прокуратуры, в мой кабинет, а в Лефортовский следственный изолятор КГБ СССР, и не пешком, конечно, а на автомашине, и не единолично, а в сопровождении нескольких человек, документы которых я не проверял, но ведомственная принадлежность которых сомнений у меня не вызвала.

Ю. И. Ваше появление в квартире Солженицына и все, что там происходило, нобелевский лауреат подробно описал. Поэтому я не прошу возвращаться к этой широко известной сцене. Спрошу лишь: все ли в описаниях Солженицына точно?

Ю. З. Насколько я помню, все точно, кроме одной детали, которая, наверное, покажется смешной: Солженицын пишет, что я был в «роскошной шубе». Но у меня никогда не было шубы, я всю жизнь проходил зимой в демисезонных пальто. Кстати, меня Руденко однажды спросил: «Что это у вас за шуба такая роскошная?» Я объяснил ему, что Солженицын ошибся.

Солженицын действительно ждал ареста, и у него все было готово. Он быстро оделся и все заранее приготовленные вещи, уже, видимо, ему послужившие в лагере, сложил в мешок с нашим полотнищем шведского флага. Я попросил его вывернуть мешок флагом внутрь, что он и сделал без возражений. А к моменту нашего приезда в Лефортово было уже найдено политическое решение, которое и определило дальнейшие действия руководства Прокуратуры СССР. Решение это состояло в том, что Солженицын должен быть лишен советского гражданства и выдворен из СССР...

Ю. И. Без следствия и суда?

Ю. З. Ну не совсем так. Конечно, судьбу Солженицына решили не на Пушкинской! Но полагаю, что Р. А. Руденко, опытный и изобретательный юрист, нашел такую форму, которая могла бы придать если не видимость законности, то, по крайней мере, видимость здравого смысла тому, что произошло. Мне предписали возбудить в отношении Солженицына уголовное дело по обвинению не в антисоветской агитации и пропаганде, а по обвинению в измене Родине...

Ю. И. И это — видимость здравого смысла?

Ю. З. Не спешите. Здесь-то, как я думаю, и обнаруживается «юридический вклад» Руденко. Ведь доказать, что Солженицын в «Архипелаге» оклеветал Советскую власть, было невозможно даже в то время. А задача состояла в том, чтобы его из СССР удалить. Как? Обвинив Солженицына в более тяжком преступлении — измене Родине. Прокуратура парадоксальным образом смягчала ситуацию. Политическая власть, вмешавшись и лишив Солженицына гражданства, снимала все юридические проблемы, ибо не может изменить Родине человек, не являющийся больше ее гражданином. Стало быть, уголовное дело автоматически прекращается. Человек, лишенный гражданства, разумеется, не должен и жить в своей стране — его выдворяют из нее. Все это решали, конечно, не я и, думаю, не Руденко, но именно он, по-моему, мог подсказать этот вариант. А как он был практически осуществлен, общеизвестно, об этом написал и сам Солженицын, писали и другие. Вот, собственно, и все...

Ю. И. Не совсем. Теперь «Архипелаг ГУЛАГ», за написание которого Солженицын был столь изобретательно лишен гражданства, удостоен Государственной премии. Правда, премию он не принял... Как бы вы это прокомментировали?

Ю. З. Так мы уже об этом говорили. Меняются времена. Меняются законы. Меняются политические системы и идеологические доктрины. А люди-то остаются. И они выполняют служебные обязанности: водят поезд, строят дома, расследуют преступления в соответствии с действующими на тот момент законами... В этом, возможно, трагедия, но, безусловно, и реальность жизни.

Ю. И. Согласен. Но из этого вытекает еще один вывод: государство не должно носить идеологический характер. Тогда коллизия между долгом и совестью будет существенно меньше, а на крайний случай станет возможна отставка, отнюдь не влекущая за собой гражданскую, а затем и голодную смерть...

Ю. З. Безусловно.

Медведев, - 1991. - 3-е издание (№ 23). - с. 11